

Изъ размышленій о революціи

Въ идеологическомъ и тактическомъ багажѣ тѣхъ демократическихъ и социалистическихъ партій, которыя диктатурой лишены какой бы то ни было возможности легальнаго дѣйствія, хранится неприкосновеннымъ для критическихъ сомнѣній фондомъ мессіанистическое представленіе о всеразрѣшающей революціи. Она придетъ, она не можетъ не придти... Она во что бы то ни стало должна придти, потому что послѣвоенная диктатура не идетъ даже на самые ничтожные компромиссы даже съ самыми умѣренными оппозиционными теченіями въ странѣ, потому что онѣ жестоко расправляются даже съ самыми невинными «уклонами» въ средѣ единственной монополярной партіи, стоящей у власти. Революція, «сверженіе» диктаторской власти, совершенно неизбѣжны, потому что кромѣ революціи, кромѣ судороги народнаго возмущенія и гнѣва, кончающагося сверженіемъ ненавистныхъ владыкъ, диктатура не оставляетъ никому, даже самымъ умѣреннымъ своимъ противникамъ, даже принципиальнымъ «реформистамъ» и «соглашателямъ», иного выхода, какъ бы на этотъ счетъ не предавались иллюзіямъ сами эти реформисты и соглашатели. Диктатуру нельзя ни къ чему принудить, кромѣ какъ къ смерти и притомъ только къ смерти безоговорочно насильственной. И поэтому революція стоитъ по ту сторону всякаго рода тактическихъ споровъ о наилучшихъ путяхъ освобожденія, а выступаетъ какъ бы въ видѣ грознаго закона природы, противъ котораго такъ же бесполезно спорить и отъ котораго такъ же бесполезно пытаться отвертѣться, какъ женщинѣ, рожающей дитя, бесполезно спорить и стараться уйти отъ всего того пикла драматическихъ потрясеній ея тѣла и души, который связанъ съ актомъ рожденія новой жизни.

Если присмотрѣться къ идейному «климату» германской, австрійской, итальянской и — за вычетомъ группы Ф. Дана — русской политической эмиграціи, то можно очень легко увидѣть именно этотъ неприкосновенный фондъ представленій о революціи, какъ единственно возможной формѣ ликвидаціи со-

отвѣтствующихъ диктатуръ. Национальныя особенности каждой изъ этихъ диктатуръ видоизмѣняютъ, конечно, многія детали тактическихъ и стратегическихъ построений отдѣльныхъ партій, но общій фонъ всѣхъ этихъ построений остается тѣмъ же: иныхъ методовъ преодоленія диктатуры, кромѣ революціи, нѣтъ и быть не можетъ.

Сказаннымъ можно пока ограничиться въ характеристикѣ революціонной позиціи эмигрантскихъ политическихъ группировокъ тѣхъ странъ, гдѣ господствуетъ ничѣмъ неограниченная диктатура, классической моделью которой снабдила весь міръ диктатура русскихъ коммунистовъ. Пишущему эти строки приходилось столько разъ въ печати и на собраніяхъ защищать именно эту точку зрѣнія противъ всякаго рода «соглашательства» и мирно-обновленческихъ утопій, что вновь останавливаться на изложеніи ея значило бы повторяться въ мѣрѣ, превышающей уже значительно ту мѣру горькой необходимости повтореній, которая связана съ беспросвѣтнымъ хожденіемъ по мукамъ эмиграціи.

Но именно это многолѣтнее хожденіе по мукамъ россійской эмиграціи и недолгій, но уже богатый опытъ новѣйшихъ политическихъ эмиграцій изъ странъ новонспеченныхъ на большевистскій манеръ иностранныхъ диктатуръ невольно заставляютъ задуматься надъ тѣми сторонами этой революціонной установки, надъ которыми до сихъ поръ мало задумывались мы сами и надъ которыми пока что очень мало задумываются въ кругахъ иностранной политической эмиграціи. И вотъ, если освободиться отъ привычныхъ, вѣвшихся во все наше духовное существо схемъ, и захотѣть провѣрить эти схемы до самаго ихъ корня, то тутъ начинаютъ въ нихъ обнаруживаться такіа логическіе и психологическіе изъяны, которые не могутъ не вызвать весьма сильной тревоги.

И первое, что бросается въ глаза, — это отсутствіе достаточно убѣдительнаго связывающаго звена между системой предпосылокъ и дѣлаемымъ изъ нихъ выводомъ. Революціонная установка въ вопросѣ о преодоленіи новѣйшихъ диктатуръ чрезвычайно убѣдительна и даже какъ будто непреложна во всемъ томъ, что касается отрицательной стороны вопроса: диктатура непреодолима на путяхъ реформы, компромисса, легальной оппозиціи, «соглашательства»; всѣ подобныя надежды и попытки обречены на неминуемый провалъ по самому существу диктатуры. Но она становится гораздо менѣ увѣренной и убѣдительной въ положительной части своей революціонной формулы, въ своихъ надеждахъ на революцію. Всѣ мы, сторонни-

ки революціонной установки, напоминаемъ въ извѣстномъ смыслѣ такого хирурга, который совершенно точенъ и категориченъ въ отрицаніи возможности вылѣчить больного методами лѣкарственной терапевтики, но который становится далеко не столь точнымъ и категоричнымъ въ утвержденіи возможности вылѣчить больного методами хирургическаго вмѣшательства. Онъ точно знаетъ, какъ больного вылѣчить нельзя. Но онъ гораздо менѣе точно знаетъ, какъ больного вылѣчить можно.

Съ легкой руки Маркса революцію часто называютъ акушеркой, помогающей родамъ новаго общественнаго строя. Сравненіе это во многихъ отношеніяхъ хромаетъ, потому что опытъ революціонной гинекологіи всѣхъ временъ и народовъ даетъ гораздо меньше поводовъ для увѣренности въ благополучномъ исходѣ операціи для матери и имѣющаго появиться на свѣтъ ребенка, чѣмъ опытъ хирургической гинекологіи чисто медицинскаго свойства. Очевидно, что влюбляться въ революціонную акушерку, пѣть ей мадригалы и вздыхать о ней можно было только въ состояніи тяжелой безвкусицы и историческаго безпамятства.

Къ счастью, это состояніе романтическаго оцѣпенѣнія передъ ликомъ революціи въ итогѣ тяжкихъ революціонныхъ переживаній послѣднихъ 18 лѣтъ въ значительной степени испарилось и тутъ-то стало обнаруживаться все явственнѣе это роковое несоотвѣстіе между нашимъ воплімъ яснымъ представленіемъ о революціи, какъ единственно возможной формѣ преодоленія современныхъ диктатуръ и нашимъ воплімъ неяснымъ представленіемъ о томъ, какъ эта необходимая революція можетъ придти и что она съ собою можетъ принести.

Еще больше: въ самой этой аргументаціи въ пользу необходимости революціи и имѣется немало скрытыхъ элементовъ, способныхъ какъ разъ подорвать увѣренность въ возможности революціи. Въ самомъ дѣлѣ, если современныя диктатуры способны создать такой монолитно-непрошибимый режимъ, при которомъ невозможно возникновеніе сколько-нибудь замѣтныхъ оппозиціонныхъ теченій даже въ средѣ аристократно монополично господствующей партіи; если она способна не только уничтожить всякое общественное мнѣніе, оставляя свободу только для мнѣнія казеннаго; если, пользуясь моднымъ словечкомъ, «тотальность» диктатуры подчиняетъ интересамъ своего самосохраненія всѣ виды индивидуальной и коллективной дѣятельности, имѣющей даже самое отдаленное, а иногда и никакого отношенія къ проблемамъ власти и политики вообще, — то какъ вообще возможна революція, которая вѣдь ни-

когда не возникает «изъ ничего», а всегда является внезапнымъ сгущениемъ наличествующихъ оппозиционныхъ паровъ въ взрывчато-разрушительную смѣсь? Изъ ничего, безъ всякихъ предпосылокъ, кромѣ веселящаго газа подпольно-буштарской кружковщины, можетъ возникнуть и возникали въ исторіи многочисленныя путши, но они нѣтъ въ данномъ случаѣ не интересуютъ. Широкое же народное революціонное движеніе никогда не возникало безъ разнообразныхъ предварительныхъ формъ того самаго оппозиціоннаго размаха, возможность котораго какъ разъ и отрицается подъ вседавящей пятой новѣйшихъ диктатуръ большевистско-фашистскаго типа, а невозможность котораго какъ разъ и является главнѣйшимъ аргументомъ въ пользу революціоннаго сверженія этихъ диктатуръ. Мы находимся такимъ образомъ какъ бы въ волинебномъ кругу: революція постулируется, какъ единственно цѣлесообразная реакція противъ того типа самоповѣйшихъ диктатуръ, который, въ отличіе отъ диктатуръ довоенныхъ, великоколѣпно научился предупреждать и подавлять тѣ оппозиціонныя движенія, безъ которыхъ всякая настоящая революція и возникнуть не можетъ. При логическомъ заостреніи этого противорѣчія получается уже полнѣйшій парадоксъ: революція необходима, ибо тотъ режимъ, противъ котораго революція необходима, не даетъ никакой возможности силы этой революціи развязаться...

Конечно, ни одинъ политическій режимъ не заботится объ удобствахъ своихъ противниковъ, въ особенности тѣхъ, которые норовягъ устроить противъ него революцію. Но тутъ имѣются разныя степени пренебреженія удобствами своихъ революціонныхъ противниковъ и въ этихъ степеняхъ все дѣло. Такъ меньшевики и с.-р., оказывавшіе черезъ совѣты рабочихъ депутатовъ рѣшительное влияние на наше Временное Правительство 1917 года, такъ мало заботились о причиненіи неудобствъ большевикамъ, норовившимъ Временное Правительство свергнуть, что въ широкихъ кругахъ обывательской публики создалось такое впечатлѣніе, будто они прямо заботятся объ удобствахъ этого большевистскаго сверженія. Германская демократическая республика, вышедшая изъ революціи 1918 года, тоже такъ мало заботилась о неудобствахъ реакціонныхъ силъ, норовившихъ ее свергнуть, что въ широкихъ крайнѣйшихъ кругахъ создалось впечатлѣніе, будто новый демократическій режимъ прямо заботится объ удобствахъ тѣхъ, которые хотѣли его свергнуть. Но тутъ мы имѣемъ дѣло съ крайностями, для насъ въ данномъ случаѣ мало поучительными, такъ какъ здѣсь не демократія свергла реакцію, а реакція свергла демократію. Де-

мократическіе же режимы, вообще говоря, гораздо больше уважаютъ права своихъ противниковъ, чѣмъ реакціонные.

Меньше всего заботь объ удобствахъ своихъ противниковъ проявляли всегда реакціонные режимы. Реакціонныя силы всегда дѣйствовали по иезуитскому правилу, формулированному, кажется, белгійской католической реакціей: «мы требуемъ у васъ всѣхъ правъ на основаніи вашихъ принциповъ и отказываемъ вамъ во всѣхъ правахъ на основаніи нашихъ принциповъ». Такъ дѣйствовала всегда и дѣйствуетъ и понынѣ всякая реакція. И однако до войны ни одинъ реакціонный режимъ при всемъ своемъ зломъ желаніи не могъ такъ закупорить всѣ щели для проникновенія оппозиціонныхъ теченій, суммировавшихся и сгустившихся въ концѣ концовъ въ революцію, какъ это научились дѣлать съ легкой руки большевиковъ всѣ современные «тоталитарныя» диктатуры. Что это такое -- гениальность отдѣльныхъ диктаторовъ серии Ленинъ-Гитлеръ, случайная находка одержимыхъ идеей всевластія умовъ? Конечно, нѣтъ.

Случилось то, къ чему демократическое сознаніе 19-го и 20-го вв. было менѣе всего подготовлено. политическая реакція изъ господской, изъ барской, превратилась въ реакцію и ардую, плебейскую. Соціальная демократизация реакціи -- вотъ что ей сообщило грандіозный размахъ и дало ей необычайную силу. Въ качествѣ народной эта реакція легко стала впитывать въ себя иѣкоторыя идеи социализма-антикапитализма и тутъ же явственно обнаружилась какой арварской, губительной для человѣческой индивидуальности силой можетъ стать социализмъ, изъ котораго выпотрошены идеи и идеалы политической демократіи. Эта непроницаемая въра во всемогущество голаго насилія, эта яростная нетерпимость ко всякому шломыслию, затрудняющему безумный процессъ повсе некой умственной жвачки, эта инстинктивная боязнь свободы, какъ фактора, умножающаго число альтернативъ и усложняющаго процессъ выбора одного изъ предоставляющихся рѣшеній -- все это пришло не столько сверху, сколько снизу, изъ омерзченныхъ плебейскихъ массъ, влившися бурными потоками въ русло диктатуры. Онѣ то и сообщили диктатурѣ рѣшимость «тоталитарнаго» подавленія и дали имъ милліоны платныхъ и бесплатныхъ, но однако ретивыхъ агентовъ для проведенія этого тоталитарнаго подавленія въ жизнь. Национализированная техника умственныхъ и духовныхъ вущеній дала современнымъ диктатурамъ такія грандіозныя возможности легко и незамѣтно врыскивать массамъ

«опіумъ для народа», о которыхъ и мечтать не могли техники, организаторы и идеологи довоенныхъ реакцій.

Плебисцитарная отвага современныхъ диктатуръ не идетъ ни въ какое сравненіе съ плебисцитарной отвагой древнихъ диктаторовъ, опиравшихся на охлосъ, и «маленькаго Наполеона», однажды «поймавшего моментъ». Современные диктатуры не боятся всеобщаго избирательнаго права и только по трусости Сталину понадобилось нѣсколько плебисцитарныхъ опытовъ Гитлера и Муссолини, чтобы наконецъ посулить и русскимъ гражданамъ всеобщее, прямое, равное и закрытое голосованіе, ставшее совершенно безопаснымъ внѣ условій гражданскихъ и политическихъ свободъ.

Такъ вотъ и создались типы реакціоннаго господства, которые и научились такъ абсолютно закрыть всѣ возможности для какой-нибудь оппозиціи, что иначе какъ революціей ихъ ничѣмъ инымъ не проймешь... Да... Но тутъ-то и возникаетъ роковой вопросъ: какъ довести народъ до большой революціи, если его такъ трудно довести даже до маленькой оппозиціи?

**

Къ этому циклу сомнѣній добавляется еще одинъ. Всякая революціонная установка опирается въ своихъ расчетахъ на одну необходимую предпосылку экономически-матеріалистическаго типа: при диктатурѣ не могутъ развиваться производительныя силы страны и, слѣдовательно, должны расти нужда и всяческія матеріальныя тяготы массъ. На этомъ всякая диктатура не можетъ не сломать себѣ шею, такъ какъ голодъ не тетка и массы долго не смогутъ терпѣть, чтобы имъ ихъ морили.

Такъ вотъ, настало время сказать, что эта предпосылка не вѣрна. Собственно говоря, это мы всѣ могли имѣть въ виду уже давно: никогда голодъ самъ по себѣ не являлся не посредственной причиной революцій. Когда имѣются всѣ другія предпосылки революціи, тогда голодъ и матеріальная нужда массъ могутъ придать этой революціи особенно ожесточенный характеръ и втянуть въ нее такія массы, которыя, можетъ быть, въ сытомъ состояніи къ революціи не присоединились бы. Но этотъ особенно ожесточенный максималистскій характеръ революцій не всегда является обстоятельствомъ, способствующимъ успѣху революціи, а иногда онъ революцію прямо и губитъ. Кромѣ того массы, загнанныя въ революцію только голодомъ, являются самыми невѣрными ея спутниками, такъ какъ ни одна революція не въ состояніи сразу и замѣтно увеличить налич-

ные запасы пищевыхъ продуктовъ и непосредственно увеличить матеріальные ресурсы страны. А если мы имѣемъ дѣло съ революціей «ожесточенной», то самый процессъ революціи не повышаетъ, а понижаетъ матеріальный уровеньъ страны въ цѣломъ, за счетъ которой повышенный паекъ получаютъ только ближайшія «ударныя» группы революціоннаго дѣйствія.

Только изъ-за голода революціи не возникаютъ, во всякой революціи ея самымъ сильнымъ двигателемъ является не хлѣбъ, а «воля», понимаемая или предчувствуемая въ каждомъ случаѣ иначе, но всегда являющаяся психологическимъ сплавомъ различного рода, не столько экономическихъ, сколько социальнорправовыхъ и моральныхъ порывовъ широкихъ массъ. Тотъ, кто входитъ въ революцію «не для Исуса, а для ради хлѣба куса», тотъ самый невѣрный ея другъ, легко превращающійся въ опаснаго врага. Именно поэтому ставка на голодъ, какъ на революціонный факторъ, является тройкаго рода ошибкой: во-первыхъ, голодъ никогда не былъ непосредственной причиной революцій, а развѣ только голодныхъ бунтовъ; во-вторыхъ, сама по себѣ революція мало кого можетъ накормить и, въ-третьихъ, революціонеры только изъ-за голода самые опасные друзья революціи.

Но вѣрна ли сама эта предпосылка о невозможности для диктатуры поднять или даже только поддерживать на стабильномъ уровнѣ производительныя силы порабощенной страны? Невозможно ли связана диктатура съ экономическимъ вырожденіемъ страны, съ массовымъ голоданіемъ населенія?

Если взять для начала 13-лѣтній опытъ итальянской диктатуры, то надо признать, что никакихъ массовыхъ голодовокъ, превышающихъ «нормальную» для Италіи мѣру массовой нужды и нищеты, диктатура не породила. Нѣсколько лѣтъ господства Гитлера мало, конечно, показательны. Но все-таки нѣтъ пока никакихъ основаній утверждать, что Гитлеръ ведетъ Германію къ такому обнищанію, при которомъ становится неизбежнымъ взрывъ революціоннаго отчаянія изголодавшихся массъ. Можно сильно сомнѣваться въ рекламируемыхъ гитлеровцами успѣхахъ германскаго народнаго хозяйства подъ эгидой диктатуры. Но отъ сомнѣній въ рекламируемыхъ успѣхахъ до утвержденія о наличности какихъ то непреодолимыхъ экономическихъ катастрофъ — разстояніе настолько значительно, что взять его логическимъ скачкомъ анти-фашистской мысли никакъ невозможно. Во всякомъ случаѣ очень трудно отдѣлать то, что въ тяжеломъ экономическомъ положеніи Германіи связано со специфическими особенностями Гитлеровской диктатуры, отъ того, что связано съ общими условіями мірового кризиса вообще и съ автаркически-

ми глубостями и преувеличеніями, въ частности, — отъ которыхъ, къ слову сказать, нынѣ не свободны и самые демократическіе режимы. Современная экономическая мысль во всякомъ случаѣ не обладаетъ еще такими точными и тонкими методами изслѣдованія, чтобы въ анализѣ причинъ, создавшихъ тотъ или иной комплексъ экономическаго упадка, наглядно отдѣлить причины чисто экономическія отъ причинъ политическихъ, а средъ послѣднихъ провести водораздѣлъ между политической глупостью вообще и политической глупостью и подлостью специфически диктаторіальной.

Яркій примѣръ специфической связи между отчаянной нуждой и голодомъ массъ и мѣропріятіями диктатуры далъ намъ СССР. Здѣсь пятилѣтка и коллективизація явно и непосредственно разорили десятки милліоновъ крестьянъ. Здѣсь ужасающая нищета массъ прямо и непосредственно можетъ быть вмѣнена коммунистической диктатурѣ. Здѣсь диктатура, такъ сказать, поймана съ поличнымъ. Но и отъ этого все-таки еще очень далеко до соціологическаго закона, постулирующаго несовмѣстимость всякой диктатуры съ развитіемъ производительныхъ силъ, и обратно: ея нерасторжимую связь съ прогрессирующимъ обнищаніемъ массъ. Муссолини и Гитлеръ въ общемъ осуществили всю политическую, моральную и духовную прелесть коммунистической диктатуры, воздержавшись въ области экономики отъ канкана слона въ посудной давкѣ. «Соціализмъ» въ какой-то мѣрѣ ударилъ въ голову и того и другого. Но въ СССР головы диктаторовъ оказались цѣликомъ нафаршированы сплошнымъ «соціализмомъ» безъ всякаго просвѣта. Вотъ это-то «соціализмъ», а не политическая форма диктатуры, и явился специфической причиной всероссійскаго разоренія.

Однако, даже и для СССР такое разореніе отъ диктатуры не является закономъ на всѣ предбудущія времена. Автомобилистъ, изувѣчившій пѣшехода по явной и преступной неосторожности и даже по злому умыслу, необязательно долженъ его изувѣчить во второй разъ послѣ того, какъ онъ оправился отъ первыхъ увѣчій. Загнанная въ колхозы и поднятая на дыбы гипертрофированной индустриализаціей Россія все-таки попытается и попытается уже сейчасъ какъ-то матеріально устроиться на новыхъ началахъ. Изувѣченный пассажиръ начнетъ бѣгать по своимъ дѣламъ на культякѣхъ. Какіе-то протезы дасть ему и сама диктатура. И мѣру своего матеріальнаго благополучія закованный въ цѣпи диктатуры русскій житель будетъ брать не изъ книгъ, которыя ему расскажутъ, какъ жили, какъ ѣли и какъ хозяйствовало «до большевиковъ», а изъ своихъ собствен-

ныхъ воспоминаній періода повальнаго и безпросвѣтнаго голоданія. Въ соціальной психологіи массъ дѣйствуетъ не только прямая форма французской поговорки о томъ, что «лучшее врагъ хорошаго», но и обратная форма: «худшее другъ худого». И воспоминанія о худшемъ въ прошломъ способны настолько скрасить худое въ настоящемъ, что это худое можетъ быть воспринято сознаниемъ, какъ и впрямь хорошее.

Нужно прямо сказать и въ этомъ открыто сознаться, что во всѣхъ этихъ спекуляціяхъ на несовмѣстимость диктатуры съ ростомъ производительныхъ силъ и на обязательность прогрессирующаго обвинанія массъ нѣтъ ничего объективно научнаго, но за то есть очень много отъ того неосознаннаго чувства безсилія, которое я бы назвалъ «экономическимъ поражениемъ». Пораженецъ это не только тотъ, кто прямо желаетъ поражения своей странѣ, но и тотъ, кто «объективно» строитъ на пораженіи главные политическіе расчеты. Никто, конечно, развѣ только ужъ самые оголтѣлые люди, въ русской, германской и итальянской эмиграціи не желаетъ своему народу мора и глада. Но если всѣ ихъ надежды на преодоленіе своихъ диктатуръ связаны главнымъ образомъ съ моремъ и гладомъ, тогда въ ихъ нежеланіи глада и мора для своей страны появляется опасная психологическая червоточина. Конфликтъ между нежеланіемъ мора и глада для своей страны и сознаниемъ полезности мора и глада для наступленія революціи-освободительницы разрѣшается такимъ образомъ, что морь и гладъ признаются совершенно неизбѣжными слѣдствіями диктатуры, послѣ чего внутренній конфликтъ «экономическаго поражения» разрѣшается и на мѣстѣ расколотаго сознания появляется нѣкій моральный монолитъ соціологической непреложности.

Нетрудно, однако, убѣдиться въ томъ, что вся эта метаморфоза морально стѣснительнаго пораженчества въ морально безупречную объективную «научную» истину является не болѣе какъ продуктомъ инстинктивно-біологической потребности слабыхъ духомъ скрыть отъ самихъ себя свою собственную слабость. Ибо совсѣмъ плохо дѣло того революціонера, который, мечтая о свободѣ, не видитъ, не ощущаетъ массъ, жаждущихъ свободы вмѣстѣ съ нимъ и готовыхъ вмѣстѣ съ нимъ жизнь за нее положить. Тогда то въ немъ просыпается мнимая гордыня мнимой объективности и вмѣсто людей, жаждущихъ свободы и избавленія отъ рабства, онъ начинаетъ видѣть разныя неизбѣжности мора, глада, войны и пораженія, которыя влохнутъ въ кулакъ даже самаго безразличнаго къ свободѣ индивидуума желѣзное расположеніе духа и онъ пойдетъ крушить старый ре-

жимъ со всѣмъ ожесточеніемъ человѣка, которому — «хоть ложись да помирай», а помирать совсѣмъ не хочется. Этотъ одержимый «факторами, «неизбѣжностями», «законами», и всякими прочими «объективностями» революціонеръ, усумнившійся въ свободолюбіи своего народа, становится слѣпымъ и глухимъ ко всему, что свидѣтельствуеть хоть о малѣйшей передышкѣ въ матеріальныхъ лишеніяхъ своей страны.

Несчастье заключается въ томъ, что многіе начинаютъ забывать, что народы получаютъ свободу только тогда, когда имъ до зарѣзу нужна и м е н н о с в о б о д а, а не развитіе производительныхъ силъ и прочія почтенныя вещи экономически-матеріалистическаго свойства. Это совершенно не подлежитъ никакому сомнѣнію, что потребности нестѣсняемаго экономическаго развитія были двигательной силой первокласснаго значенія во многихъ революціяхъ. Но эта двигательная сила совершенно не двигалась и лежала инертной глыбой, покуда въ нее не проникъ токъ отъ идей, образовъ и разнообразныхъ духовныхъ эманаций, которыя только и сообщаютъ революціи ея историческій размахъ и великое освободительное значеніе. Нужды, запросы и требованія третьяго сословія, воплощавшіе во Франціи 18-го вѣка интересы экономическаго развитія, давали о себѣ знать задолго до Французской Революціи и иногда даже въ весьма бурныхъ формахъ. Производительныя силы и интересы ихъ дальнѣйшаго развитія были весьма почтенными «объективными факторами» въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, представители коихъ весьма непочтено пресмыкались передъ монархіей и феодално-церковной знатью. И только тогда, когда раздался трубный гласъ свободы, какъ духовнаго идеала, и проникъ въ сердца широкихъ народныхъ массъ, только тогда Великая Французская Революція стала тѣмъ, чѣмъ она была. Только этотъ каскадъ новыхъ идей, образовъ и духовныхъ эманаций высокаго свободолюбиваго напряженія и былъ въ состояніи реализовать ту двигательную силу, которая заключалась въ потребностяхъ экономическаго развитія.

Но не забудемъ все-таки великихъ перемѣнъ, происшедшихъ за почти 150 лѣтъ со времени французской революціи. Тогда на примитивныхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія ростъ производительныхъ силъ дѣйствительно не могъ идти впередъ безъ глубокой ломки всей правовой и общественной надстройки. Побѣда новаго экономическаго принципа была тогда немислима безъ побѣды новаго общественно-политическаго принципа. Нынѣ этого далеко нѣтъ и если говорятъ, и правильно говорятъ, о томъ, что промышленная буржуазія раз-

сталась съ политическимъ либерализмомъ своей розовой юности, то это вѣдь другими словами и означаетъ, что индустриальное развитіе, какъ и экономическое развитіе вообще, могутъ нынѣ обойтись безъ той свободы, безъ которой капиталистическое хозяйство дѣйствительно не могло обойтись на раннихъ этапахъ своего побѣдоноснаго шествія. И разъ безъ свободы можетъ обойтись капиталистическое бытіе, то безъ свободы очень легко можетъ обойтись и капиталистическое сознание.

Грандіозные научные, техническіе и организационные успѣхи современной индустріи привели къ тому, что нынѣ могущественные и техническіе комплексы могутъ возникнуть гдѣ угодно, безъ всякихъ мѣстныхъ предпосылокъ культурно-историческаго и общественно-экономическаго значенія. Для этого не нужны, какъ раньше, столѣтія и десятилѣтія, а достаточны всего голько «пятилѣтки». Технические и организационные успѣхи индустріи сдѣлали ее такъ сказать «портативной» и при помощи иностранныхъ силъ и матеріаловъ можно получить ультраиндустриальныя ягодки даже и на территоріи ботокудовъ, а самихъ ботокудовъ превратить во множествѣ въ ударниковъ и героев труда. Важно только имѣть тамъ диктатора, у котораго, кромѣ глубокой вѣры въ «сѣкимъ-башка», имѣются еще всякаго рода социальныя и національныя идеяки.

Этотъ обусловленный успѣхами науки и техники разрывъ между свободой и экономикой уничтожилъ и прежнюю неохотливую связь между экономическимъ развитіемъ и свободнымъ трудомъ. Принудительный, закабаленный трудъ даетъ теперь не на много худшіе результаты, чѣмъ трудъ свободный, по той простой причинѣ, что самый процессъ производственнаго труда настолько автоматизировался и обезличился, что рабочій все больше превращается въ робота, а роботъ можетъ выполнять свою работу и безъ свободы. Свободный, обладающій нѣкоей хартіей правъ, нѣкоторымъ минимумомъ культуры, любовью къ своему дѣлу, рабочій нуженъ быть промышленному развитію тогда, когда личныя духовныя и профессиональныя качества играли относительно еще очень большую роль среди суммы условій, опредѣлявшихъ качество продукціи. Непосредственный ручной трудъ занималъ еще очень большое мѣсто въ техническомъ процессѣ производства и личная смекалка, ловкость, выносливость рабочаго пѣнились еще очень высоко предпринимателемъ, что въ свою очередь подымало социальное самосознание самого рабочаго и толкало его на борьбу за свободу.

Но съ тѣхъ поръ произошли коренныя измѣненія во всемъ

строѣ промышленнаго труда. Теперь не рабочій управляетъ машиной, а машина, станокъ, аппаратъ управляютъ рабочимъ. Въ системѣ конвеера эта автоматизація рабочаго, его обезличеніе и его, такъ сказать, духовная дисквалификація нашли свое наиболѣе яркое выраженіе. Такого рабочаго легко превратить и въ раба безъ особаго ущерба для качественныхъ и количественныхъ показателей продукціи. Поэтому деспотическій режимъ, построенный на полномъ удушеніи всякой человѣческой личности и въ томъ числѣ и личности работающаго человѣка, не долженъ въ развитіи производительныхъ силъ встрѣтиться съ препятствіями, вытекающими непосредственно изъ самой его общественно-политической природы, изъ закрѣпощенія труда. Диктатурѣ съ лица пролетаріата не воду пить и она можетъ справиться со своими производственными задачами и при наличности общественно-коряваго пролетаріата, закабаленнаго во всѣхъ смыслахъ и направленіяхъ.

И поэтому революціонное экономическое пораженчество, связанное съ объективно-субъективнымъ предвидѣніемъ надеждой на то, что диктатура не справится съ экономикой, построено на пескѣ. Тотъ, кто ждетъ, что свобода, изгнанная черезъ политическія двери, вернется черезъ экономическія двери, тотъ свободы никогда не дождется. Черезъ экономическія двери свободѣ не пройти.

**
*

Но въ духовномъ арсеналѣ революціонной эмиграціи имѣется кромѣ экономическаго пораженчества еще и специфически военное пораженчество, «пораженчество» въ собственномъ смыслѣ этого слова. Основные элементы пораженческой идеологии сводятся примѣрно къ слѣдующему:

Война совершенно неизбежна. Мы не хотимъ войны, но война будетъ. Въ этой войнѣ чрезвычайно велика вѣроятность пораженія моей страны, потому что диктатура, даже при самой блестящей военной подготовкѣ, будетъ имѣть противъ себя недоброжелательство, презрѣніе и ненависть поработанныхъ ею народныхъ массъ, потому что диктатура не сумѣетъ разбудить въ массахъ тотъ патріотическій порывъ, безъ котораго народъ не въ состояніи вынести тяготы войны. При такихъ условіяхъ падаетъ его сопротивляемость внѣшнему врагу, но зато, обладая оружіемъ, онъ сумѣетъ ополчиться на врага внутренняго, на диктаторское правительство, гипнозъ силы котораго будетъ подо-

врапъ пораженіями и военными неудачами. Вооруженный народъ сброситъ ненавистное правительство и заключитъ съ военнымъ противникомъ болѣе или менѣе сносный миръ.

Я не думаю, чтобы можно было критиковать эту систему пораженчества съ моральной точки зрѣнія. Пораженчество — это ложная точка зрѣнія, но не постыдная. Война до побѣднаго конца съ точки зрѣнія высшей цѣнности человѣческой жизни и святости человѣческой крови морально, пожалуй, еще болѣе предосудительная вещь, чѣмъ война до пораженія и даже для пораженія, потому что капитуляція передъ превосходящимъ противникомъ требуетъ гораздо меньше человѣческихъ жертвъ, чѣмъ война до побѣднаго конца. Пораженчеству нельзя специально вѣнчать въ вину желаніе гибели и раззоренія своихъ соотечественниковъ, потому что война до побѣды и для побѣды принесетъ соотечественникамъ не меньше, а скорѣе всего еще больше потерю людьми и кровью. Никакія контрибуціи и аннексіи въ пользу моей страны не могутъ окупить страданій, связанныхъ съ длительной войной на истощеніе врага до его полной капитуляціи. Никакія матеріальныя выгоды побѣды не могутъ уравновѣсить грѣхъ желаемаго массоваго человѣкоистребительства, одинаково связаннаго какъ съ побѣдой, такъ и съ пораженіемъ. И поэтому порокъ пораженчества не въ ориентации на опредѣленный исходъ изъ войны, а въ самой этой ставкѣ на войну, независимо отъ оцѣнки вѣроятнаго ея исхода. Въ этомъ военномъ пораженствѣ дѣйствуетъ тотъ-же психическій автоматизмъ, та же безотчетная хитрость ума и сердца, что и въ пораженствѣ экономическомъ. Конечно, мы не желаемъ нашему народу ни мора, ни глада и ни войны. Но такъ какъ ни въ нынѣшнемъ, ни въ предвидимомъ арсеналѣ нашихъ средствъ сверженія диктатуры нѣтъ ничего или почти ничего другого, въ чемъ мы бы могли быть вполнѣ увѣренными, что это намъ принесетъ побѣду надъ ненавистнымъ режимомъ, то морь, гладъ и война трансформируются въ ту «неизбѣжность», которая обладаетъ чудесной способностью возмѣстить намъ недостатокъ нашей собственной силы и нашей вѣры въ свободолобіе нашего народа. Экономическіе и военные пораженныя въ глубинѣ своей души не вѣрятъ въ способность революціонной партіи вновь разбудить въ массахъ жажду свободы, которую эти массы продали за чеченинскую похлебку демагогическихъ посуловъ диктатуры. Но тутъ какъ разъ во время появляются неизбѣжныя морь, гладъ и война, которые и сдѣлаютъ то, чего мы сами сдѣлать не въ состояніи. Все это не столько неизбѣжности «объективнаго хода вещей»,

сколько неизбѣжности смятенной души революціонера, потерпѣвшаго поражение.

Какъ же однако обстоитъ по существу дѣло съ освободительной ролью войны и предполагаемаго въ ней поражения, если отвлечься отъ психо-аналитическихъ корней этой концепціи? Вѣрны ли, обоснованы ли эти расчеты на войну?

Казалось бы, самое происхождение современныхъ диктатуръ должно было бы предостеречь отъ ставокъ на войну, какъ на путь преодоленія диктатуры. Чисто военные корни итальянской, русской, германской, балтійскихъ и польской диктатуръ не подлежать вѣдь никакому сомнѣнію. За однимъ счастливымъ исключеніемъ — Чехословакіи — всѣ демократическіе режимы, возникшіе на военныхъ развалинахъ потерпѣвшихъ поражение монархій, въ настоящій моментъ, спустя 17 лѣтъ послѣ окончанія войны, превратились въ развалины, на которыхъ водрузила свои знамена та или иная форма диктатуры. Въ Россіи диктатура воздвиглась на основѣ какъ бы желаннаго поражения, въ Италіи — на основѣ недостаточно реализованной побѣды, въ Германіи — на основѣ реванша за поражение, въ Польшѣ — на основѣ военщины, стяжавшей «неуязвимую славу» на поляхъ исторической мести тремъ ненавидимымъ отечествамъ, въ Австріи — на основѣ побѣды реакціоннаго охвостья войны, милитаристскихъ формаций Геймвера, надъ революціоннымъ охвостьемъ войны, милитаристскихъ формаций Шутцбунда. Всюду, въ основѣ диктатуры мы находимъ тотъ или иной вариантъ въ исходѣ мировой войны. Диктатуру имѣютъ и страны, выигравшія въ войнѣ — правда, всѣ онѣ считаютъ, что при дѣлѣ ихъ обидѣли. Но ужъ тѣ страны, которыя въ войнѣ потерпѣли поражение — у тѣхъ диктатура всѣмъ диктатурамъ диктатура.

Таковъ пока что неоспоримый опытъ исторіи: за однимъ исключеніемъ всѣ демократіи, возникшія въ результатѣ войны и поражения, оказались зданіями, построенными на пескѣ. Мало того, реакціонныя силы, разбуженныя войной и поражениемъ, сумѣли въ Германіи и въ Австріи съ корнемъ вырвать тѣ, уже значительные, зачатки политической демократіи, которые имѣлись до войны и которые обѣщали богатые всходы при дальнѣйшемъ мирномъ развитіи этихъ странъ. И только въ тѣхъ странахъ — Англія, Франція, Бельгія, — гдѣ демократическое развитіе зашло уже до войны очень далеко, война (замѣтимъ въ скобкахъ: побѣдоносная) не только не остановила роста демократіи, но толкнула ея развитіе далеко впередъ.

Изъ этого, по необходимости краткаго, обзора политическихъ эпилоговъ войны съ ея побѣдами и поражениями можно,

миѣ кажется, извлечь достаточно серьезное предупрежденіе противъ всякихъ революціонно-освободительныхъ ставокъ на войну. Въ этомъ отношеніи имѣются только двѣ политическія эмигрантскія группы, которыя въ своей ставкѣ на войну болѣе или менѣе послѣдовательны: это, съ одной стороны, крайне-лѣвыя, большевизанствующія теченія въ социалистическомъ интернаціоналѣ, а съ другой — крайне правыя фашиствующія теченія русской эмиграціи. Міросозерцанія и тѣхъ и другихъ укладывается въ одну и ту же формулу: неизбѣжная война, почти неизбѣжное пораженіе, возстаніе вооруженнаго войной народа и вѣнецъ — диктатура... по своему вкусу. А вкусы у нихъ безусловно разные: у первыхъ — ленинскій, у вторыхъ — гитлеровскій. Конечно, ленинизмъ первыхъ связанъ съ мало обоснованной надеждой, что въ томъ диктаторскомъ блюдѣ, которое они поднесутъ «освобожденному» народу, можно будетъ класть гораздо меньше перцу, горчицы и хрѣна, чѣмъ это дѣлалъ Ленинъ. Но и гитлеризмъ вторыхъ тоже связанъ со столь же мало обоснованной надеждой, что въ томъ диктаторскомъ блюдѣ, которое они поднесутъ «освобожденному» народу, тоже будетъ гораздо меньше перцу, горчицы и хрѣна, чѣмъ это было у Гитлера. Можно вполне вѣрить въ искренность этихъ надеждъ и благородныхъ намѣреній: вѣдь ни Ленинъ, ни Гитлеръ сами вначалѣ не думали, что придется такъ круто заправить всѣ блюда этого диктаторскаго меню. А прошло...

Тотъ, кто обольщенъ идеей диктатуры — «своей» противъ «чужой» — социалистической ли, или національной — тому дѣйствительно есть всѣ основанія уповать на войну. Еще не доказано, чтобы война принесла на своихъ крыльяхъ прочную демократію, но что она можетъ принести на своихъ крыльяхъ прочную диктатуру — это доказано вполне.

Непонятнымъ образомъ въ военно-пораженческое міросозерцаніе неизмѣнно вкрадывается одна наивно-благодущная идея: революція сумѣетъ добиться отъ побѣдившаго военнаго врага заключенія сноснаго и почетнаго мира. Мы настолько уважаемъ трагическій пафосъ революціи, что полагаемъ, что генеральный штабъ и министерство страны-побѣдительницы не смогутъ не сбавить по случаю нашей революціи значительную долю того счета побѣды, который будетъ предъявленъ правительству революціи. То ли ликъ Революціи умилостивитъ побѣдившаго врага, то ли ликъ Революціи его напугаетъ.

Между тѣмъ Версальскій миръ достаточно ясно и даже весьма грубо доказалъ, что ни умилостивить, ни напугать побѣдителя революція не въ состояніи. Наоборотъ, революція входитъ

въ расчеты врага, какъ обстоятельство, способствующее окончательному разложению армии и всего государственнаго аппарата противника. Въ генеральномъ штабѣ врага всегда сидятъ самые отчаянные приверженцы революціи въ той странѣ, которую хотятъ разбить. Хорошо еще, если революціонеры въ странѣ, ведущей или кончающей войну, вполнѣ убѣждены въ томъ, что въ ихъ среду въ качествѣ крайнихъ революціонеровъ не затесались прямыя агенты враждебной державы. Хорошо еще, если они вполнѣ убѣждены въ томъ, что всякія «Окопныя Правды» не издадутся въ конечномъ или въ исходномъ счетѣ на деньги непріятеля.

Германская демократическая республика, возникшая въ результатѣ пораженія и извнѣ навязанной революціи, что-то собою мало чувствовала на себѣ благоволеніе Антанты, эту революцію поставившую предварительнымъ условіемъ самыхъ переговоровъ о мирѣ. Что больше всего подрывало морально и матеріально новый демократическій режимъ — это была система репараций и санкций, интенсивно питавшихъ націоналистическія чувства въ самыхъ демократическихъ слояхъ германскаго населенія. Въ исторію гибели германской демократической республики будетъ несомнѣнно вписанъ тотъ фактъ, что лѣвыя правительства побѣдителей не больше щадили побѣжденную Германію, чѣмъ правыя. Даже социалистическій интернаціональ, считаясь съ настроеніями представителей тѣхъ странъ, которыя въ войнѣ выиграли и которыя только въ войнѣ родились, защищалъ систему репараций.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ гибели германской демократической республики значительная доля вины падаетъ именно на тѣ державы-побѣдительницы, которыя вынудили у разбитой Германіи преждевременныя роды этой республики. Въ исторіи тѣхъ послабленій и отступленій отъ буквы Версальскаго договора, которыя стали съ теченіемъ времени накапливаться во все большемъ числѣ, нельзя будетъ все-таки не отмѣтить тотъ печальный фактъ, что эти послабленія дѣлались преимущественно реакціоннымъ германскимъ правительствомъ. Когда у власти стояли социалисты, тогда союзники требовали отъ нихъ, какъ отъ порядочныхъ людей, «честнаго соблюденія договоровъ». На не честное ихъ выполненіе соглашались преимущественно тогда, когда у власти стояли продурные и безчестные политики реакціи.

Такъ факты показали, какъ снисходительно и милостиво относятся къ побѣжденному по тому случаю, что у него произошла революція. Представить себѣ теперь, что, скажемъ, Герма-

нія, Японія, Польша сдѣлаютъ въ случаѣ своей побѣды скидку за сверженіе Сталина, а анти-германская коалиція сдѣлаетъ въ случаѣ своей побѣды скидку за сверженіе Гитлера — представить себѣ нѣчто такое можно только въ состояніи каной-то бредовой маниловщины. Всякая революція, которая произойдетъ въ странахъ, проигрывающихъ войну, сдѣлаетъ поражение этихъ странъ не менѣе, а болѣе катастрофичнымъ. Хорошо еще, если можно будетъ остаться при твердомъ убѣжденіи, что поражение вызвало революцію. А что, если придется задуматься надъ тѣмъ, не вызвала ли революція поражение?

**
*

Намъ остается разсмотрѣть еще ту сторону революціоннаго міросозернанія, гдѣ ставка дѣлается не на тотъ прекрасный случай, когда «не бывать бы счастью, да несчастье помогло», а на силу самихъ революціонныхъ кадровъ, на силу самого революціоннаго народа. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановиться на мифѣ всеобщей стачки.

Преполагалось всегда, что пролетаріатъ обладаетъ специфическимъ могущественнымъ средствомъ внезапной парализаціи дѣятельности враждебнаго правительства и враждебныхъ классовъ и организаций, отказавшись одновременно повсюду отъ работы, примѣняя такъ назыв. «революцію скрещенныхъ рукъ». Для социалистическихъ партій идея всеобщей стачки имѣла еще тотъ громадный идеологическій соблазнъ, что здѣсь могущественное средство сокрушенія врага выступало въ чисто классовомъ пролетарскомъ одѣяніи. Устарѣлость и практическая безнадежность прежнихъ повстанческихъ методовъ революціонной борьбы еще болѣе усиливали притягательность революціи скрещенныхъ рукъ, придавая ей морально-панфиловскій ореолъ «безкровности».

Для успѣха всеобщей стачки требовался рядъ объективныхъ предпосылокъ: 1) Нужно было, чтобы она была дѣйствительно всеобщей, а не частичной. 2) Нужно было, чтобы рынокъ труда въ моментъ забастовки не былъ переполненъ громаднымъ количествомъ безработныхъ, настолько изголодавшихся и отчаявшихся, что они готовы взяться за любую работу на любыхъ не только матеріальныхъ, но и моральныхъ условіяхъ. 3) Нужно было, чтобы руководящія силы рабочаго движенія были болѣе или менѣе елины, а не раздроблены между враждующими партіями, ведущими между собою братоубійственную войну. 4) Нужно было, чтобы неорганизованная, несознательная часть

пролетариата на худой конецъ была бы и достаточно пассивной, т. е. легко подчиняющейся руководству передовыхъ слоевъ пролетариата и во всякомъ случаѣ не норовящей и не умѣющей активно перечеркнуть планы этихъ передовыхъ слоевъ. 5) Нужно было, чтобы социалистическій пролетариатъ былъ въ странѣ единственно организованной массовой политической силой, въ то время какъ другіе классы совсѣмъ не имѣютъ массовыхъ народныхъ организацій и довольствуются всякаго рода плохо сколоченными и слабо дисциплинированными представительствующими группами, избирательными комитетами и т. п.

И вотъ, всё эти условія нынѣ отсутствуютъ. И относительно однихъ неизвѣстно, когда они вновь не появятся, а относительно другихъ извѣстно уже, что они совсѣмъ вновь не появятся. Рабочій классъ въ цѣломъ расколоть на работающихъ и безработныхъ и уже экономисты намъ доказываютъ, что и послѣ преодоленія кончающагося видимо кризиса останутся во всѣхъ промышленныхъ странахъ милліоны и милліоны людей, для которыхъ не будетъ уже мѣста въ индустриі, работающей даже съ полной нагрузкой своего технического оборудования. Расколото безнадежно и рабочее движеніе и не видно конца этому расколу во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, покуда существуетъ россійская диктатура, въ этомъ расколѣ активно заинтересованная. Неизвѣстно, какъ и когда будетъ преодоленъ расколъ между прогрессивнымъ и реакціоннымъ рабочимъ движеніемъ, если коммунистическое рабочее движеніе не причислять къ реакціонному. Во всякомъ случаѣ послѣ войны подлинная реакція — фашистская и не, или еще не, фашистская реакція — доказала, что она весьма недурно умѣетъ организовать рабочіе батальоны въ строго дисциплинированныя боевыя части и нѣтъ тутъ недостатка даже въ томъ, что до сихъ поръ казалось социалистической мистификаціей: густо насыщенной идеологическими и міросозерцательными солями «всеобъемлющей» теоріи. Сейчасъ въ массахъ можетъ быть не меньше, а, пожалуй, и больше темноты, невѣжества, умственной косности и «несознательности», чѣмъ до войны. Но вотъ что исчезло совсѣмъ и наврядъ ли когда-нибудь вернется, и это хорошо, что не вернется: пассивныя, «забитыя», косныя массы, пребывавшія до войны въ спасительномъ нейтралитетѣ при столкновеніи организованныхъ и сознательныхъ общественныхъ силъ. Теперь только получило весь свой трагическій смыслъ боевое изреченіе: «кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Теперь ничья хата не съ краю и всё въ центрѣ самаго общественнаго пожара. Рассчитывать при такихъ условіяхъ, что въ случаѣ объявленія ведущими организаціями рабочаго социализма всеобщей

забастовки неорганизованная часть рабочаго класса сама собою въ нее втянется или будетъ втянута, а всѣ остальные классы населенія сохранять при этомъ враждебный или дружественный нейтралитетъ, такъ что противъ сознательныхъ отрядовъ пролетаріата будетъ стоять только правительственный аппаратъ реакціи — рассчитывать на эту довоенную комбинацію силы и безсилія было бы нынѣ совершеннѣйшимъ безумствомъ.

Какъ на примѣръ вполнѣ удачной и достигшей своей цѣли всеобщей политической забастовки послѣ войны указываютъ на всеобщую забастовку весною 1920 г. въ Германіи, явившуюся отвѣтомъ на монархическій путчъ Каппа. Примѣръ этотъ, къ сожалѣнію, не доказателенъ или доказателенъ совсѣмъ въ особомъ смыслѣ. Эта забастовка была вызвана не желаніемъ свергнуть реакціонный режимъ, а желаніемъ защитить противъ реакціонныхъ бунтовщиковъ существовавшій демократическій режимъ. Это не было забастовкой противъ правительства, а забастовкой съ благословенія правительства.

Спеціальная доказательность этого примѣра состоитъ въ томъ, что противъ правительства, имѣющаго на своей сторонѣ значительныя народныя массы, всякое революціонное выступленіе, даже очень значительнаго размаха, обречено на тяжкое пораженіе. И поэтому германская социалдемократія не могла и не должна была пытаться отвѣтить на завоеваніе власти Гитлеромъ всеобщей забастовкой, и поэтому такая попытка, предпринятая въ Австріи, провалилась съ самаго же начала, и поэтому такая же попытка, предпринятая въ Испаніи и получившая гораздо большій размахъ, закончилась тѣмъ же пораженіемъ.

И во всѣхъ этихъ новѣйшихъ случаяхъ: въ Германіи, Австріи и Испаніи было съ самаго начала ясно, что совершенно исчезла приманчивая нѣкогда перспектива «мирной революціи», «революціи скрещенныхъ рукъ», и всеобщая забастовка съ перваго же момента перейдетъ неминуемо въ беспощадную кровавую схватку, насыщенную всѣмъ ожесточеніемъ заправской гражданской войны. А въ гражданской войнѣ, гдѣ на одной сторонѣ выступаютъ передовыя свободолюбивыя части организованнаго пролетарскаго населенія, плохо или даже совсѣмъ вооруженныя, а съ другой — могущественный военный и гражданскій аппаратъ современной диктатуры, поддержанный добровольными или полудобровольными милитаризованными организаціями, поддержанный кромѣ того широкими массами населенія, не «холеными», не «холодными», а такими, которые не боятся самой тяжелой и грязной работы, самой изнурительной

службы, — гражданская война въ такихъ условіяхъ современной диктатуры — это вѣрная катастрофа для отрядовъ демократіи, какъ бы ни были величавъ и героиченъ ихъ революціонный порывъ. При всемъ трагическомъ лафосѣ ихъ выступленія — оно все же неизбежно приметъ характеръ авантюристическаго путча и такимъ путемъ было австрійское возстаніе февраліа 1934 г., такимъ путемъ было и испанское возстаніе октября того же года.

**
*

Мы еще когда-нибудь вернемся къ этой темѣ объ урокахъ австрійскаго и испанскаго возстаній для будущей стратегіи и тактики революціонной борьбы. Но сейчасъ у насъ уже имѣется достаточно матеріала для необходимаго вывода изъ этого обзора слабыхъ пунктовъ современнаго революціоннаго, скажемъ точнѣе, эмигрантско-революціоннаго міросозерцанія. Эти всѣ слабые пункты въ концѣ концовъ сводятся къ одному: къ потерѣ вѣры въ возможность возрожденія демократическихъ идеаловъ въ тѣхъ толщахъ своего народа, которыя теперь соблазнены національной и соціальной демагогіей диктатуры. А этотъ скептицизмъ въ отношеніи демократическаго сознанія своего собственнаго народа непосредственно связанъ съ кризисомъ демократическаго сознанія въ руководящихъ кругахъ соціалистической эмиграціи. А кризисъ ихъ демократическаго сознанія есть результатъ перенесеннаго тяжкаго пораженія, которое необходимо какъ-то внутренне оправдать. А изъ всѣхъ возможныхъ оправданій то наиболѣе цѣлительно для израненной души, которое сваливаетъ вину не на самихъ себя, не на людей, партіи, ихъ политику и ихъ поступки, а на учрежденія и идеи, которыя легко объявляются негодными и неизлѣчимо большими.

А разъ нѣтъ вѣры въ свой собственный народъ и разъ ослаблена эта отвѣтственность за свои собственные поступки, то естественны всѣ эти апелляціи къ внѣшнимъ силамъ, къ мору, гладу, войнѣ, всѣ эти попытки какъ-то обойти единое на потребу: разбудить въ собственномъ народѣ жажлу свободы, расколдовать его отъ гипноза диктатуры, привить ему новыя идеи, вызвать въ немъ отвращеніе и презрѣніе къ силѣ и уваженіе къ праву.

Это очень трудная задача подъ режимомъ диктатуры? Да, это очень трудная, неслышанно трудная задача и такой трудности задачи еще никогда не ставились передъ активными силами

демократіи, передъ ея бойцами передовыхъ позцій. Но вѣтъ это единственно реальная задача и только ея рѣшеніе есть дѣйствительное рѣшеніе вопроса о методахъ преодоленія диктатуры. Если передовые отряды демократіи чевъ состояніи рѣшить эту задачу, то напрасно ее подмѣнять болѣе легкими, или мнимо легкими. Только тотъ народъ получаетъ свободу, который ее, именно ее, а не что-нибудь вза-мѣнить ея, желаетъ.

Будемъ называть вещи своими собственными именами: революціонная работа въ странахъ тѣхъ диктатуръ, которыя пользуются активной или даже только пассивной поддержкой широкихъ массъ — это прежде всего и больше всего, а въ теченіе вѣроятно еще очень долгаго времени даже исключительно — просвѣтительная работа. Въ этой работѣ напрасно ждать помощи отъ стихійныхъ бѣдствій, матеріальной нищеты и запустѣнія. Это помощники отчаянія, паники, суевѣрія, тьмы и безпросвѣтлости, но не свѣтлаго духа свободы.

И пусть революціонно-соціалистическая эмиграція не обольщается надеждой на то, что народъ, который пока что очень трудно собрать подъ знамена демократіи, удастся легко собрать подъ знамена «настоящаго» соціализма, что народъ, который презрѣлъ завоеванія политической демократіи, можно будетъ подкупить посулами демократіи соціальной. Горе тому соціализму, который воздвигнется на развалинахъ демократіи, хотя бы архитекторы этого соціализма клялись «въ концѣ концовъ» увѣнчать зданіе соціализма куполомъ демократіи. Мы уже имѣемъ достаточно поучительный русскій примѣръ того, что получается, когда народъ отворачивается отъ «дживой» демократіи къ «истинному» соціализму. Изъ этого получилось только истинное рабство. Такое же истинное рабство создастъ всякая, даже исполненная самыхъ лучшихъ намереній соціалистическая партія, если она придетъ къ власти тѣмъ же путемъ отверженія демократіи во имя соціализма.

Нѣтъ, контрабандой свобода не пройдетъ. Она придетъ только подъ своимъ собственнымъ флагомъ, выявляя свое собственное лицо. Тотъ, кто въ это вѣритъ, тотъ, хочеть онъ этого или нѣтъ, станетъ слѣпымъ или зрячимъ агентомъ рабства, хотя бы оно и называлось диктатурой пролетаріата.

Ст. Ивановичъ.